

*Никита Викторович Баинин,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН*

*Ирина Александровна Устинова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института российской истории РАН*

*Ирина Николаевна Шамина,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института российской истории РАН*

Церковная реформа Петра I: новые подходы к изучению

Церковная реформа Петра I определила дальнейшую судьбу Русской Православной Церкви. Отдельные постановления, ограничивавшие имущественные права Церкви, появились еще в середине 1690-х гг., однако они не имели системного характера. Начало же церковным преобразованиям общегосударственного уровня положил указ Петра I от 24 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа во главе с И. А. Мусиным-Пушкиным.

Для понимания сущности реформы особенно важны данные о первых шагах по ее практической реализации. Эта тема пока не получила обстоятельного исследования, хотя историки к ней обращались неоднократно (М. И. Горчаков, И. А. Булыгин, Н. В. Соколова и др.).

В осуществлении церковной реформы Петра I значительную роль сыграл имеющийся у дьяков приказа Большого двorca опыт контроля за монастырскими, епархиальными и церковными доходами. Исследование показало, что государство привлекало институты общинного самоуправления (старосты, житные целовальники, выборные лица от мира с разовыми поручениями) к непосредственному проведению описаний-ревизий на местах. Составленные стольниками Монастырского приказа в начале 1700-х гг. документы в своей содержательной основе весьма глубоки, многоплановы, хронологически многослойны. Их появление отражает утилитарный взгляд Петра I на

религию и Церковь. По мнению И. М. Покровского, они были нужны царю для «внутреннего спокойствия и материального благополучия государства». Началом государственного контроля за доходами церквей, монастырей и архиерейских домов стали указы Петра I от 1694/95, 1696, 1697 гг. Первое описание целой епархии – Устюжско-Тотемской, проведенное по инициативе светской власти в России, состоялось в 1696/97 г. Оно было составлено с учетом описания, возникшего в 1686 г. по инициативе церковной власти. Опыт составления этих переписей и их результаты (выявление более 20 тыс. рублей) подтолкнули Петра I и его соратников к более внимательному отношению к церковному имуществу, а, следовательно, к расширению контрольно-учетной документации и проведению социально-экономической ревизии Церкви в масштабах всей страны.

Выявленный обширный документальный комплекс приводит нас и к важным источниковедческим наблюдениям. *Во-первых*, удалось выявить определенную совокупность документации, отразившую текущее делопроизводство *съезжих дворов монастырских дел* в Вологде, Устюге и Кириллове в 1701–1705 гг. Именно эти дворы, руководимые посланными из Монастырского приказа стольниками, следует считать «рабочими органами» по проведению начального этапа церковной реформы, её «приводными механизмами». К последним привлекались представители архиерейских и монастырских администраций, выборные лица общинных структур. *Во-вторых*, в ходе масштабной ревизии церковных учреждений разного уровня (архиерейских домов, монастырей, городских соборных и сельских приходских церквей) произошла «встреча старого и нового»: бояре, дьяки и стольники использовали опыт составления описей строений и имущества (официально закрепленных Стоглавом ещё в 1551 г.) и вместе с тем возникли новые «книги ведомостные», составленные как развёрнутые ответы на программные вопросы. Как известно, в XVIII–XIX вв. ведомости («книги ведомостные») станут наиболее распространённой разновидностью массовой документации в Российской империи.

В начале церковной реформы была поставлена цель точно выяснить объемы церковных богатств, для чего и были проведены в сжатые сроки переписные работы. Осознание царем того, что Церковь владеет значительными земельно-промысловыми, денежными, людскими ресурсами и обсуждение этого вопроса со служащими приказа Большого дворца и своими соратниками укрепили реформатора в мысли использовать их в государственных интересах. Новизна проведения начального этапа церковной реформы состоит в том, *как* Петр I и Монастырский приказ воспользовались полученными результатами. Очевидно, что царь получил контроль над материальной составляющей

епископской власти, а значит в его руках оказался инструмент влияния на непокорных ему архиереев.

* * *

Удалось обнаружить четыре новых, связанных с переписью начала XVIII в., вида документов. Это *наказ стольнику* (его имя не указано), составленный в марте 1701 г. из ф. 1260 (Коллекция столбцов) Государственного архива Вологодской области, который регламентирует описание монастырей и архиерейских домов, их вотчин, содержит пересказ царских указов об обустройстве монашеской жизни, а также освещает техническую сторону процесса: что и как следует делать архиерейским и монастырским властям, чтобы обеспечить работу стольников по составлению описаний.

Переписные книги ряда монастырей Коломенской епархии 1701–1702 гг., составленные стольником И. В. Кикиным, содержат «*Указ по наказу с запискою*», который стольник зачитывал в каждом описываемом им монастыре. Основные положения этого документа восходят к указу Петра I от 31 января 1701 г. и регламентируют новое устройство монашеской жизни.

Помимо «*Указа по наказу*» стольникам, очевидно, давались также *памяти*. Одна из таких памятей – стольнику Л. Б. Каблукову, описывавшему Дмитров и Дмитровский уезд, составленная 3 мая 1701 г., – зафиксирована в «*Переписной книге Вознесенских девичьих монастырей Бежецкого, Владимирского и Московского уездов*» (РГАДА, ф. 237, оп. 1, ч. 3, кн. 6353). В документе подробно расписано, что конкретно должен описать стольник Каблуков: «всякое строение, и монастырскую казну... и братию, и слуг, и служебников» и т. д. Кратко эти задачи фиксировались в преамбулах к переписным книгам.

Еще одним документом, который получали в Монастырском приказе стольники, были «*грамоты с прочетом*». Их они предъявляли настоятелям монастырей. Удалось обнаружить две таких грамоты с полностью совпадающим содержанием: от 11 апреля 1701 г., адресованную стольнику А. Б. Палицыну, направленному описывать монастырские владения юго-западных уездов страны (Боровск, Козельск, Мещовск и др.) (ОР РНБ, ф. 531, оп. 2, № 5222), и от 12 апреля 1701 г. стольнику В. И. Кошелеву, описывавшему Вологодский уезд (ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, ч. 1, № 12076). Основное содержание грамот касается организации описания. В этом они повторяют некоторые положения «*наказа по указу*» из ГА ВО, однако текстологической близости с последним документом выявить не удалось.

В исследовании предприняты анализ и сопоставление содержания этих источников. В результате удалось прийти к выводу о том, что указы переписчикам, отправляемым Монастырским приказом в уезды, составлялись на основе ранее выпущенных петровских

указов от 31 января и 11 марта 1701 г. Но не все положения наказов ранее фигурировали в этих указах и текстологически они имеют с ними мало общего. Возможно, на каждого стольника в Монастырском приказе составлялся отдельный наказ, а не копировался полностью с какого-то общего источника. Очевидно, единую формулировку имели «грамоты с прочетом», адресованные монастырским властям и касавшиеся организации переписи на местах, которые переписчики также получали в Монастырском приказе.

Практическая же часть церковной реформы Петра I, которая пришлась на 1701–1703 гг., в итоге свелась к тому, чтобы подчинить государству управление имуществом духовных корпораций. За три года эта задача была выполнена. Монастырский приказ получил сведения о подвластных ему архиерейских домах, монастырях и приходских храмах. Однако процесс реализации реформы оказался властями до конца не продуман. Различия в наказах стольникам и преамбулах к разным переписным книгам свидетельствуют о том, что требования к составлению последних продолжали меняться уже в ходе описания. Не до конца реализованной на практике осталась та часть реформы, которая преследовала задачу реорганизации монастырского быта и установления жесткого контроля над насельниками монастырей. Прикрепить монахов к монастырям также, как служилых людей к их службе или крестьян к владельцам, не получилось. Впрочем, не до конца последовательно была решена и задача контроля за монастырским имуществом. Весной 1703 г. настоятели монастырей получили разрешение владеть своими вотчинами «до государева указа». Очевидно, у правительства просто не хватило административных ресурсов для реализации всех первоначальных замыслов.

* * *

Изучение церковной истории Петра I традиционно велось не только с точки зрения социально-экономических преобразований, но и в контексте ее идеологической составляющей. При этом использовались различные теоретические подходы. Например, церковная реформа рассматривалась как религиозные преобразования, когда служение монарху может уподобиться религиозному подвигу («переход в новую веру») (Э. Зицер). Большую популярность при изучении церковной реформы Петра I приобрела концепция конфессионализации (*die Konfessionalisierung*) (работы В.М. Живова, А.С. Лаврова и др.). В.М. Живов, опираясь на исследования религиозных (протестантских и католических) обществ Европы Нового времени (работы В. Райнхарда, Х. Шиллинга, Ф. Горски), показал, как мечта Петра I о регулярном государстве и попытки ее реализации в значительной мере затронули высшее духовенство – светская власть начала вмешиваться в нормы церковного дисциплинирования простых верующих (традиционно начиная со старообрядцев), низшего духовенства и, наконец, представителей высшей духовной власти – архиереев.

В этом контексте важным представляется исследование такого малоизученного аспекта церковной реформы как изменение правового положения, объема власти и норм функционирования высшего духовенства на рубеже XVII–XVIII вв. Ограничение имущественных и административных прав архиереев нашло отражение в организации переписей архиерейских домов, увеличении фискальной нагрузки, усилении вмешательства государства в текущие вопросы управления кафедрами. Однако имел место и другой важный процесс – регламентация объема властных прав и обязанностей епархиального архиерея. Этот процесс начался в последней трети XVII в. и продолжался в период правления Петра I. Важный материал для исследования данной проблемы дают тексты настольных грамот и архиерейских обещаний (Исповеданий веры в составе Чинов поставления епископов), которые в рассматриваемый период всё в большей степени становились должностными инструкциями. В ходе работы были выявлены все варианты текстов архиерейских обещаний, произнесенных русскими архиереями в 1670–1710-е гг. Также в фондах ОР ГИМ, РГБ и РГАДА было выявлено около двух десятков настольных грамот русских архиереев и настоятелей крупнейших монастырей. Настольные грамоты официально определяли деятельность русского епископа, в их тексте наиболее полно раскрывалось представление о месте и роли архиерея в церкви и обществе. Сравнительно-текстологическое исследование этих источников, выявление их редакций показало, что тексты регулярно правились под воздействием как текущей церковно-политической ситуации, так и сложного процесса изменения представлений о роли архиерея в обществе. В архиерейских настольных грамотах богословские отрывки и обильные цитаты постепенно были заменены длинными списками требований к новоизбранному епископу, его обязанности были четко прописаны, зафиксированы санкции за нарушение епископом установленных стандартов поведения. Важной тенденцией, отразившейся в тексте настольных грамот и архиерейских обещаний рубежа веков стало усиление мотива подчинения епископа царю и патриарху.

В целом, можно говорить о том, что на рубеже XVII–XVIII вв. наблюдается усиление бюрократического элемента и тенденция дисциплинаризации по отношению к высшему духовенству: на смену представлению о епископе как олицетворении образа Божия на земле, приходит прагматический взгляд на его функции в системе управления, «яко некоего уда», части церковного тела. Объем властных полномочий епископа конкретизируется и уравнивается списком обязанностей, вводятся санкции. Новые реалии воплотили в жизнь новый образ епископа. Все эти процессы должны быть рассмотрены в общем контексте церковной реформы Петра I, они позволяют расширить горизонт традиционного исследования проблемы.